

ПАМЯТНЫЕ МЕСТА ПСКОВЩИНЫ

Г.В. Проскурякова

Порховская старина*

15. Первое прощание с Во- лышвом (продолжение)

Весной 1917 года Елизаветинский институт, в котором я училась, прекратил свою деятельность. В начале 20-х годов в здании института был размещен детский дом, тогда пришлось открыть их много, детская беспризорность долго оставалась бедствием, горем страны.

При Временном правительстве воспитанниц, живших в Петрограде, собрали в нескольких институтах, перешедших на обычное обучение, с интернатами или без интернатов. По месту жительства я оказалась сначала в Мариинском (на Кирочной улице, теперь Салтыкова-Щедрина), потом, в 1918 году, в Павловском институте (на улице Восстания, дом 8).

В связи с гражданской войной, хозяйственной разрухой и голодом население Петрограда таяло, в классах было по 20, а потом и меньше учениц. Девочки, жившие в интернате, носили еще старую форму с белыми пелеринками, но Павловский институт назывался уже просто 48 единой трудовой школой; она подчинялась Наробразу, а содержание учениц, живущих в школе, шло за счет собеса. Пытались как-то пополнить эту школу бывшими кадетами (кадетские корпуса были похожи на институты и по составу, и по программе, и по режиму), но из этого ничего не вышло.

* - Окончание. Начало, «Волышовская старина», в №№ 3/1995, 4/1996, 5/1996, 6/1997, 7/1997, 8/1997, 10/1999, 11/1999. Настоящее издание подготовлено к печати дочерью Г.В. Проскуряковой Н.Н. Масленниковой.

Три года жизни в Петрограде - с весны 1917 по лето 1920 - были для меня, как и для всех детей и подростков, и трудными, и тяжелыми, и вместе с тем богатыми содержанием.

Постепенно исчезали продукты, дрова, одежда, обувь, деньги теряли всякую цену. В семье получилось разделение труда: отец зарабатывал, больше всего давали ему выезды на старое место работы - в Порховский уезд, куда его звали знавшие его пациенты - крестьяне. За помощь и лекарство платили продуктами, ехать было страшно трудно, и привезенного хватало ненадолго. Мама каждый день объезжала несколько районов Петрограда: иногда удавалось купить конины, во всех магазинах было только пшено, или вобла, или селедки, или лук. Потом надо было найти, где и на чем сварить еду - выручала «буржуйка». Дровами больше всех занимался брат, которому было 12-14 лет, с другими ребятами, особенно с одной девочкой постарше, он разыскивал брошенные уехавшими запасы дров или баржу на Неве, и так решалась топливная проблема. Летом 1917 года и 1918 года жили на родине в Волышове: второе пребывание там надолго восстановило здоровье детей и матери не только благодаря поварскому искусству бабы Нюты, но и обмену всего, что можно было дома разыскать из одежды и обуви, на продукты.

Моя работа в эти годы была, главным образом, по дому: не только во время тяжелой болезни мамы, но и для того, чтобы она могла разыскать съестное хоть где-нибудь, я обеспечивала обед, хлеб, чай. И все это было трудной проблемой, появились совсем

особые рецепты: гороховый суп, овсяный кисель, лепешки из картофельной шелухи, суррогаты чая и кофе, сахарин.

Страшно вспоминать, как порой не знали, что будем есть завтра, как не хватало щепок, чтобы докипятить чай, и у нас с мамой был условный язык: «кипяточек» готов - это значило, что чай не закипел, но он горячий. Часто не было электричества или его рано выключали - у всех были «коптилки». В отличной квартире в ванной было невозможно вымыться, в нашем доме было окно, из которого постепенно вытекала вода суровой зимой 1919-20 гг. Хозяева уехали, водопровод испортился, из окна на Сергиевской улице до самой весны висел целый замерзший водопад. На не расчищенных от снега улицах во всех направлениях были проложены тропки.

И вот в таких условиях нужно было учиться, было расписание, шли уроки. Не помню, всегда ли, но, кажется, в 1918 и в начале 1919 гг. давались какие-то завтраки. Отметки и экзамены были отменены, ответы и работы оценивались лишь «удовлетворительно» и «неудовлетворительно».

В бывшем Павловском институте, когда я училась в выпускном классе трудовой школы (он соответствовал седьмому классу дореволюционных школ) директором был историк Василий Васильевич Фурсенко. Сам очень подтянутый, красивый, спокойный, он сумел наладить порядок и привлечь к работе в школе замечательных учителей. Многие из них потом стали известными учеными (физик Л.В. Мысовский, математик Л.А. Лейферт, философ В.И. Иоф и т.д.), но и остальные учителя, те, кто отдал свои силы школе или методике преподавания, умели передать знания, заинтересовать в них своих учеников даже в труднейшей обстановке тех лет.

Удивительным преподавателем и пропагандистом был Борис Александрович Фингер, в дальнейшем профессор и ректор пединститута имени Герцена. Он читал выпускникам курс

социологии. Уроки-лекции строились по главным периодам истории человечества. В них говорилось о происхождении человека, о первобытном обществе, о переходе к классовому, о возникновении и развитии материальной и духовной культуры.

Он никогда не цитировал Маркса и Энгельса, не ссылался на сочинения Ленина, он даже говорил, что не во всем согласен с коммунистами.

Но когда я, через 2 года взялась за книги Г.В. Плеханова и классика марксизма, оказалось, что главные положения были изложены нам Б.А. Фингером так творчески, так неназидательно, что они вошли в наше мировоззрение, как будто были открыты самими.

К выпускному вечеру в тяжелом 1920 году был подготовлен прекрасный концерт, и каждая из выпускниц получила корзину цветов. Прощаясь с нами, Борис Александрович дал нам завет: «Любите революцию, потому что она дает радость жизни!». Он учил нас искать истину, думать.

Б.А. Фингер остался в памяти еще и потому, что ему было нетрудно приходиться к нам по вечерам, чтобы играть нам на рояле: он очень любил Скрябина и был таким же талантливым пропагандистом своих музыкальных, как и научных убеждений. Ему самому, как и всем, трудно жилось, но ни от одного из своих учителей мы не слышали ни одной жалобы.

Очень трудно было преподавать физику и математику: у нас была плохая подготовка, мало условий для того, чтобы наверстать упущенное. Физик Л.В. Мысовский удивительно умно выбирал для каждого раздела самое основное, самую суть темы; проходя «Электричество», мы как-то постигли и процесс возникновения тока, и его практическое применение, и необъятные перспективы.

Математик Л.А. Лейферт приходил в отчаяние от нашего невежества, но говорил с нами как с равными, советовал, как, когда это будет нужно для будущей работы, наверстать все упущенное, «а я буду лучше вас разви-

вать всем, что знаю (говорил с нами даже о поэзии), постараюсь расшатать куда не годные идеи и устои, которые вам прививали до революции», дважды он уходил на фронт - участвовал в обороне Петрограда от войск Юденича, возвращался счастливый и веселый, рассказывал о победе, приходил на урок в красноармейской форме. С Леонидом Абрамовичем к нам врывалось как бы самое главное в жизни страны и приобретало глубокий, но не пугающий смысл то, что пролеты Гостиного двора были заложены мешками с песком, баррикады сложены у здания цирка, а в городе во время обысков чекисты находят запрятанное оружие и вербовочные пункты для белогвардейцев.

Учитель пения Буткевич не столько учил нас петь, сколько рассказывал нам о музыке и играл любимые вещи. Как Б.А. Фингерт - Скрябина и Шумана, так он подарил нам Шопена, Грига, Чайковского.

Учитель литературы Л.А. Трейден был не особенно опытным и не таким выдающимся, как остальные наши учителя. Но получилось так, что я, единственная приходящая ученица, очень часто оказывалась его попутчицей из школы домой. Он не только рассказывал мне о современных писателях - особенно об Александре Блоке и о ленинградских книжных богатствах - он носил мне в школу и давал читать редчайшие книги. Например, в самые трудные месяцы зимы 1919-1920 гг. у меня дома перебивали все тома (наверно, больше 20) полного собрания А.С. Пушкина в издании Брокгауза и Ефрона - с многочисленными статьями и комментариями. Сделав все по дому (а уроков тогда не задавали), я допоздна осваивала науку о Пушкине при свете коптилки, коченая от холода и чувствуя себя счастливой.

Может быть, все школьники Петрограда - а может быть, только счастливыцы вроде нас благодаря нашему директору очень часто получали билеты в театр - бесплатно, ибо театры работали изо всех сил, а население

Петрограда таяло, потому что оставалась промышленность и люди от голода уезжали в деревню.

Помню, как за короткое время, зимой и весной 1919-20 года, мы трижды слушали Шаляпина - в «Юдифи», в «Севильском цирюльнике» и в незабвенной «Хованщине». Сидеть приходилось то на галерке, то в партере (было полное равенство для всех зрителей), идти в театр и из театра пешком (до Прачечного моста на Фонтанке, где мы жили). Однажды были так отморожены уши, что заснуть было невозможно: в распухшие, казалось, огромные уши сквозь боль врывался чудодейственный голос Шаляпина, и было что-то возвышенное в бессоннице и боли, как будто снова и снова звучали оркестр, хор, и все покрывал один голос.

Неожиданно несколько учениц нашего класса открыли для себя и влюбились в только что открывшийся Большой драматический театр: «Дон-Карлос» с Н.Ф. Монаховым, «Отелло» с Ю.М. Юрьевым и М.Ф. Андреевой и дальше все спектакли, которые там шли - все это было откровением высокой Трагедии. Даже художественная сторона зрелища, не говоря об игре актеров, была необыкновенно новой, отточенной и прекрасной (даже то, что некоторые сцены шли в кругу, а не на всей сцене, напоминая картину или гравюру).

Нельзя сказать, что школьницы того времени были очень уж неискушенными зрителями: после революции для молодых открылись широкие возможности: можно было поступать в многочисленные балетные, драматические, музыкальные студии; кто не надеялся открыть в себе талант, мог купить, а потом и получить по месту учебы или работы билет в любой театр. Во время, более легкое для города (когда не было прямой военной опасности) и для семьи (когда было немного еды на ближайшие две недели, хотя бы по кружке пшена на день, кроме хлеба и супа по карточкам), шли сначала в театр Народного Дома или Летний театр Таврического

сада - на мелодраму или оперу, потом уже по своему выбору на лекции по музыке в Зимнем дворце (в зале стояли деревянные некрашенные скамейки), в Александринский театр (теперь им. А.С. Пушкина) и в консерваторию. Но вершиной всего увиденного и услышанного остались оперы с участием Ф.И. Шаляпина и Большой драматической театр.

В мае 1920 года ученицам выпускных классов выдали удостоверение «о прослушании ими курса единой трудовой школы». К этому времени несколько человек из нашего класса были уже приняты на I курс пединститута имени Герцена (он недавно открылся и занимал тогда помещение на Каменноостровском проспекте). Но семье пришлось расстаться с Петроградом: отца призвали на военную службу, он получил назначение в госпиталь полка, расквартированного в Порхове, семью было разрешено взять с собой, это казалось неизбежным, но и не самым плохим выходом.

Каждая весна в Петрограде в годы гражданской войны означала усиление голода до безвыходности, все мы - и сорокалетние родители и дети 16 и 14 лет - были совершенно истощены, и отец подал пример мужества, без сожаления расставшись с мечтой о Петрограде, хотя она означала для него и мечту о дальнейшем образовании.

Никто в семье не понимал, что война может скоро закончиться, что осталось терпеть недолго, к тому же всех утешало, что едем в родные места, почти в Вольшово.

16. Порхов на рубеже двух эпох

В Елизаветинском институте, в нашем классе, первая ученица «госпожа Рамша», или Надя Рамша-Карвецкая, была приемной дочерью учительницы Порховской гимназии. Ранняя смерть ее отца-офицера дала ей право учиться в институте. Сблизившись с нею, я, хоть и изредка приезжая в Порхов, как бы

изнутри довольно быстро узнала и город, и его общество.

В Порховском краеведческом музее хранятся ценнейшие и талантливо написанные воспоминания двух порховичей того времени Б.В. Богданова и Е. Евстигнеева, содержащие характеристику дореволюционного Порхова и создающие яркий образ прифронтового города времен первой мировой войны, увиденный глазами мальчиков-подростков, когда не прекращались военные учения, через Порхов шли военные части, больничные корпуса были заняты эвакуированным военным госпиталем. Эти материалы еще ждут своих исследователей и должны быть опубликованы.

Мои представления о дореволюционном Порхове сложились по личным впечатлениям, рассказам родителей и будущего мужа, историка Николая Сергеевича Масленникова, потомственного порховича, хорошо знавшего и любившего Порхов всю свою жизнь. Публикации Псковских губернских ведомостей, архивные материалы, памятники культуры и истории Порхова, его планировка и топография, хорошо сохранившиеся до пожара 1931 года, позволяют увидеть Порхов начала XX в., а также произошедшие в городе в дальнейшем значительные изменения.

Реформа 1861 года, несколько ускорив экономическое и культурное развитие России, сказалась и на судьбе Порхова: оживилась торговля, возникли дальние связи закупок и сбыта, появились банки (банк Жукова, позднее - отделение банка Юнкера). Дворяне, получив выкуп за «освобожденных» крестьян, расширяли усадьбы в имениях, дома с садами - в городе, тем более, что часть их владений перешла в другие руки.

В полутора километрах от центра города вырос стационарный поселок, появились новый мост через Шелонь, обычные для уездных центров новые здания тюрьмы, пожарного депо, гостиницы, небольшой земской больницы и, наконец, гордость губернии - здание гимназии. Порхов издавна имел значение межуездное: к нему перешло

значение многих центров старых погостов - от Вышгорода и Пожеревиц до Пав и Березы. К нему тяготел быстро растущий железнодорожный поселок Дно. Но из Волышова, тесно связанного с Петербургом и Прибалтикой, близкий сосед Порхов представлялся ничем не примечательным. Служащие строгановских имений сторонились его учебных заведений для своих детей; если их опасения и имели под собой почву, то только из-за молодости женской гимназии и реального училища, открытого в Порхове лишь за пять лет до революции.

Город же был лучше многих маленьких уездных центров России, население его было разнообразным и интересным по составу, его жизнь давала множество впечатлений, которые могли бы обогатить волышовское затишье. Обо всем этом автор воспоминаний начал догадываться еще до переезда семьи в Порхов.

Как и во всей губернии, в Порхове самое значительное влияние на его облик имели дворяне, хотя их было в городе немного. Кроме усадеб в поместьях, многие из них имели просторные «резиденции» и в городе, во всех его районах. Процветание некоторых из этих дворянских гнезд было в прошлом: так, у въезда в город из предместья Попадники (у Попадьяна Ручья) стояли в зелени белое старинное здание «старой почты», принадлежавшее ранее помещику, а на правом берегу Шелони у Старого Городища - деревянный дом с высокими окнами, утопающий в саду, - Полякова мыза. Ее владельцем был директор городского училища. Ниже за рекой, в «Заречье», стоял в тенистом саду дом с колоннами, на улицу он выходил неприметным двухэтажным фасадом, обнаружить его парадный фасад было интересно и радостно; близ Спасской церкви также прятался в саду старинный дом с красивым, могучим классическим фронтоном, при нем сад и небольшой скотный двор - остаток усадьбы дворян Какуриных. И таких «находок» можно было сделать множество, если не торопясь, внимательно вглядываясь, пройти по улицам и дворам Порхова.

Дом мог быть даже не обшитым, но о достатке и вкусе владельцев говорили большие окна хороших пропорций, узорные кованые «козырьки» над парадными, интерьеры комнат, обстановка: обязательно рояль, в гостиной вокруг раздвижного круглого стола высокие кресла распространенного с середины XIX в. типа, в простенках между окнами большие зеркала в рамах (не «трюмо», привившиеся позднее), умывальники с мраморными досками; в кабинетах - кожаная мебель, огромные письменные столы и книжные шкафы с хорошими библиотеками. В них можно было встретить рядом с русскими иностранными классиков; в библиотеке, вывезенной хозяевами из имения Жирно, находился полный комплект герценовского «Колокола».

В саду при таком доме обычно не было огорода: в центре цветника перед верандой были установлены на столбиках зеркальные шары, с деревянных диванов и шезлонгов, окружавших цветник, можно было любоваться причудливыми отражениями в зеркале шара цветов, деревьев, неба. В глубине сада уходили узкие аллеи, стояли скамейки. В городе получалось маленькое подобие усадьбы.

Очень близко, на расстоянии 10-15 км, находились и настоящие усадьбы: Хилово - Балавенских, Жирно - Барановых и Ефимовых, Жателы - Зубчанинова, Полоное - князей Дундуковых-Корсаковых, Подоклинье - Тутолминых, Бельское Устье - Новосильцевых, Холомки - Гагариных, Красный Бор - Лопухина, дом Аничкова в 12 км от города. Дальше в уезде жили несколько потомков порховских помещиков XV в. - Володимировы, Квашнины и др.

Улицы в Порхове были разные, в том числе тонущие в грязи и лопухах, и даже с названиями «Грязная», «Пустыньская» (на ней был один дом), но были и «благоустроенные», мощенные булыжником, главная Смоленская, или «аристократическая» Песочная, или несколько Валовых, проходящих по трассе бывших оборонительных сооружений - «Вала», с широкой

проезжей частью и канавами на обочинах. Самой красивой была Рождественская набережная - с деревьями, кустами и скамейками на берегу Шелони: на этой набережной было здание «клуба» с гостиницей (крошечной, но приличного вида) и со зданием театра, выходящим в небольшой Летний сад. Все, что украшало город, предпринималось с разрешения дворянского собрания, а с 70-х гг. - и земской управы. Порховские помещики неоднократно бывали не только уездными, но и губернскими предводителями дворянства.

Вторым по значению в городе и в уезде социальным слоем были купцы.

Торговля в городе занимала значительное место. Порхов был одним из центров льняного производства, потому льняная торговля привлекала представителей иностранных фирм, ею занимались льняные конторы и многие мелкие торговцы, в городе было три крупных льняных склада. Крупные купцы приобретали или создавали предприятия. П.П. Зацкой был владельцем кожевенного и совладельцем (с М.П. Шелониной) кирпичного завода, выпускавшего кирпич дорогой, но очень хорошего качества. Одно время он был городским головой Порхова. Д.Н. Тютчев был владельцем спиртового завода, а Конечек - пивного завода.

Крупными торговцами в Порхове были Ардомацкие, в их больших магазинах продавались самые разнообразные товары, в том числе «колонияльные». Кожевниковы и Ванюковы торговали, главным образом, сукном и текстилем, Фромченко - материей и сапогами, в лавках Жагота продавалась галантерея, канцелярские товары и игрушки, у Гутмана - часы. Все эти магазины и аптека Мнухиных были на главных улицах города и на центральной площади. В центре города был книжный магазин Я.К. Иогансона, его владелец был энтузиастом-просветителем и горячим патриотом Порхова. В его магазине можно было найти редкие и ценные книги. Он охотно выполнял заказы на книги и журналы из Пскова, Петербурга и Москвы. Я.К. Иогансон издавал открытки - собственные чаще

всего, фотографии Порхова и его окрестностей.

На окраинах города и даже на Мельничной запруде были мелочные лавочки. В лавочке Шетлеров на мельнице продавались ситный хлеб и конфеты. Были лавочки и при дворах владельцев, в них торговали обычно хозяйки, выходящие к покупателю на звонок (колокольчик) у двери.

До революции в самом Порхове было три врача: Кособуцкий, Франсуа и А.А. Фегели, два железнодорожных инженера - Лызлов и Стражев. Стражевы жили возле вокзала в особнячке с березками и стеклянными шарами на клумбе, недалеко от них в красивом доме жил начальник станции С.К. Морошкин. Активную роль в жизни города играли адвокаты Костюрин, Козлов и Богданов (отец автора воспоминаний о Порхове).

Как и вообще в Псковской губернии, купцов I гильдии в Порхове не было, а достигавшие звания купца II гильдии (с капиталом свыше 30 тысяч рублей) долго в нем не задерживались, видимо, разбогатеть купцу в Порхове было трудно. Десять - двадцать купеческих фамилий во всем своем быте тянулись за дворянством и, что было всего важнее для облика города, строили двухэтажные или затейливой архитектуры дома; зачастую жилые покои находились над каменными первыми этажами со складами и магазинами.

Около таких домов сады не были обязательной принадлежностью, скорее уж дворы с конюшнями выступали на первый план. Это делало главную улицу более казенной и скучной на вид, чем набережные и переулки. Особенно выделялись сложенные из дикого камня склады при домах скупщиков льна. Довольно живописные и добротные, они имели явно деловое назначение.

Зажиточностью, просторными зелеными участками отличались дома духовенства и чиновников. Многие из них сдавали части домов и даже отдельные здания учреждениям или квартирантам.

Близко пришлось узнать одно такое домовладение на Мельничной набережной против крепости. Владелец его - начальник уездной тюрьмы - жил в небольшом деревянном доме из четырех комнат окнами на крепость. С другой стороны участка, также на набережной, высился большой «полукаменный» дом: его сдавали под классы духовного училища, а позднее - под квартиры учителей (Духовное училище, называвшееся почему-то «бурс», находилось на следующей улице, здание сохранилось доньше).

В глубине двора приютился маленький двухэтажный домик: в кирпичном нижнем этаже были баня и прачечная, в верхнем деревянном сдавалась квартирка. К флигелю была пристроена «поветь», может быть, раньше там было и какое-то помещение для скота (над ним был сеновал), но в XX в. там складывали дрова и ставили экипажи и лошадей приезжих посетителей.

Терраса жилого дома выходила в обширный сад, его забор и вереница тополей тянулись вдоль набережной метров на 25, а в глубину сад был в три-четыре раза длиннее. Большой огород, деревья плодовые, кусты, скамейки, сарай - все размещалось привольно без всяких претензий на усадебное изящество, среди чистой травы; вместо дорожек были тропинки. Такое устройство домовладений было типичным, поэтому город был зеленым, тихим и уютным.

Дома наиболее массовой застройки, принадлежавшие горожанам ниже среднего достатка - ремесленникам, мелким торговцам, низшим служащим, вдовам, - были неказисты на вид, Мало отличались от изб. Одноэтажные, с низкими потолками, покосившимися входами и сенями, они бывали часто перенаселены: кроме лавочки или мастерской и жилья владельца, в них находились и «жильцы», подчас «угловые», не имевшие средств, чтобы снять целую комнату. Настоящих доходных домов в Порхове не было; одна-две квартиры, сдававшиеся в «собственных» домах, стоили дорого. Поэтому люди, жившие сезонным или поденным заработком,

как и недавно пришедшие в город, ютились кое-как, почти всегда сохраняя постоянную связь с деревней. Скопление таких бедных и тесных домишек было на окраинах города типа слобод - в Попадинке, Нехотове, в Заречье.

Как сады в центре города, на окраинах неперменной чертой быта были огороды и курятники. Впрочем, были они и при самых зажиточных домах не редкостью, подобно коровникам и свиарникам.

Два общественных сада близ набережной, несколько церквей на пригорках, обсаженных березами, синагога и кирха для лютеран, тенистое, красивое кладбище с кирпичной оградой - все это красило город, нарушая монотонность жилой застройки.

Но главным украшением, гордостью, радостью и кормилицей была Шелонь. Благодаря двум мельницам (Гагаринской и Вильдгрубе) в самом городе и другим, расположенным выше по течению, уровень воды был достаточно высок; в нескольких местах летом наводились пешеходные мостики - «лавы» и «лавинки», зимой по реке шла хорошо накатанная санная дорога. Множество тропинок и «самодеятельные» катки, купание на каждом удобном, поросшем травой или песчаном месте реки, и еще катание на лодках, особенно вниз по течению, до устья реки Полонки - все это было связано с Шелонью.

Красивее всего она была у крепости: стены и башни были построены на излучине - перед «Кривцом», а с другой стороны проходило второе русло, заполнявшееся водой лишь весной. У подножия каменной стены росли вековые деревья и широкое кольцо кустарников - местами до самой воды, а внутри крепости, давно потерявшей военное значение, теперь дававшей укрытие от ветра, находился особенно знаменитый сад - с цветами, фруктовыми и декоративными деревьями.

По верху могучей крепостной стены шла довольно широкая дорога, откуда был удивительный вид на реку и прилегающие части города. Еще красивее был вид на крепость с противо-

положного берега: она казалась острым, тонула в зелени летом, высилась в рамке снега и инея зимой.

Облик города был бы очерчен неполно, если не сказать о живописных базарах на площади при въезде из Попадинки. Там стояла «важня» - для взвешивания товаров при оптовых закупках, там было особенно много купеческих домов, складов, а также трактиров и пивных (Позднее, в начале 20-х гг. базар был перенесен в самый центр города, к двум зданиям собора). Базарными днями были понедельник, среда и пятница; с окончанием базара площадь подметали и она затихала. И еще характерная и комическая черта Порхова - извозчики. Их было на весь город меньше десяти - их все знали в лицо и по имени, в их услугах особенно нуждались, потому что станция железной дороги была выстроена в полутора километрах от города, туда шел молодой «бульвар» из лип, клена и ясеня, посаженный недавно гимназистками, но домами Вокзальная улица была застроена еще не сплошь.

Многие жители имели своих лошадей, особенно дворяне, их выезды на тройках и парой («в дышло» и «с пристяжной») славились и в городе, и в уезде. Но и купцы, и мелкие торговцы - особенно мясники и рыбники - тоже старались не ударить в грязь лицом, купить породистых лошадей, пролетки, тарантасы, линейки. Извозчики, подчиняясь решению земства, имели пролетки «с поднимающимся верхом» и одинаковую одежду - широкие армяки летом, тулупы - зимой. Все это придавало их виду некоторую торжественность. Потешно выглядели свадебные катания: из-за крайне малых расстояний несколько экипажей кружили по городу, показываясь на многих его углах и улицах и не по одному разу.

Выделяясь среди других уездных городов Псковской губернии, Порхов в начале XX в. оставался все же провинциальным: особенно замедляло его развитие то, что железная дорога из Петербурга на Витебск прошла стороной, узлом же стала станция Дно, до

нее из Порхова ходил местный, крайне тихоходный «рабочий» поезд. Дорога же на Москву через Псков и Бологое в те времена имела для Северо-Запада меньше значения. Даже торговля льном переходила из Порхова в Сольцы; как и Дно, этот поселок был более выгодно расположен на торговых путях.

Население, скорее отливало из Порхова, чем росло: и заработок для разорявшихся после Столыпинской реформы крестьян, и возможность накопить капитал для торговцев, - все находилось за пределами старых уездных центров.

Можно отметить характерную черту демографического порядка: в семьях дворян, купцов, чиновников, духовенства чем меньше была возможность для детей продолжить и расширить деятельность отцов, тем упорнее старались дать им высшее или специальное образование.

В России пореформенной, особенно на рубеже веков, появился спрос на людей интеллигентного труда: инженеров, экономистов (коммерсантов) и топографов. Росла заинтересованность в знании иностранных языков, стенографии, машинописи.

Старшим сыновьям передавалось по наследству «дело» отцов, остальные возвращались в мундирах разных ведомств, немногие устраивались в Порхове, но почти никто не терял с ним связи. На смену купцам и заводчикам Зацким, Шелониным, Фуфаевым, Ванюковым шли их дети - инженеры, учителя, врачи, артисты (после революции внутри некоторых из этих семей произошел раскол: старшие оказались в эмиграции, младшие - в рядах советской трудовой интеллигенции).

В Порхове, как и в Пскове, постепенно и издавна росла прослойка выходцев из Прибалтики - немцев, латышей, эстонцев. Они приобретали дома, лавки, мельницы, заводили небольшие полукустарные предприятия: колбасные, хлебопекарни. Два книжных магазина принадлежали Иогансону и Жаготу.

На одной из улиц, идущих от центра до железнодорожной станции и кладбища, находились дома ремесленников, торговцев и интеллигентов евреев. Среди них были семьи побогаче - купцов, владельцев аптек и фармацевтов, зубных врачей, мясников, мастеров сапожного дела и заготовщиков, и победнее - жестянщиков, портных, владельцев маленьких лавочек. Вероятно, еврейская община в Порхове образовалась после 80-х гг. XIX в., когда была создана черта оседлости. Порховские еврейские семьи органически влились в состав населения города - в его общественную и культурную жизнь.

Во втором и третьем поколении в этих семьях росли инженеры, учителя, музыканты.

Эта улица была чище и порядливее многих: порховичи привыкли наблюдать, как вечером в пятницу топятся печи во всех домах: на ней не полагалось готовить пищу в субботу - день отдыха и молитвы. К самой ночи кончалась уборка жилья, дворов, улицы - к празднику. И население шло в синагогу в самых лучших нарядах: сюртуках, шляпах, шелковых платьях. Суббота была праздничным днем порховичей-евреев.

В воскресенье наступала очередь праздновать для православных порховичей, но их быт в меньшей степени определялся церковными правилами. Воскресный колокольный звон был слишком привычным, лишь в пасхальные дни он становился непрерывным и торжественным. В Троицын день церкви и дома украшались березками, в Вербное воскресенье - пушистыми ветками вербы. В зимние праздники - Рождество, Крещение и на масленицу устраивались гулянья, молодежь ходила по домам «ряжеными» с песнями и плясками, устраивались маскарады - любимое развлечение порховичей - и катания на тройках, парах и на одноконных санях. Яркая новая одежда, цветные ковры и половики, бумажные цветы, песни и пляски под гармонь, сытная, праздничная еда и разливанное море выпивки.

Конечно, не было равенства порховичей, и в этом празднике, он был ско-

рее похож на спектакль, даваемый богатыми и зажиточными для бедных и неимущих. И все-таки почти не было семей, которые не смогли бы хоть несколько дней в году прожить празднично и весело по вековым законам гостеприимства. Во время постов и перед Рождеством, и перед Пасхой на несколько недель полагалось забыть о мясной и молочной пище, в некоторые дни запрещалась и рыбная. В церквях не совершался обряд венчания, объявлялась война веселым зрелищам, гуляньям и вообще «сборищам». Питаясь квасом, кашами с подсолнечным или льняным маслом, люди запасали деньги, чтобы после вдоволь «разговестись». Только детям и старикам разрешалось молоко, масло, изредка мясная еда, - плохо было больным, трудно - здоровым, занятым тяжелой работой, но полевая страда приходилась на лето, и летние посты - Петровский и Успенский - были короче.

В городе - да и в деревне - в XX в. неуклонно росло число людей, равнодушных к церковному быту и к самой религии, но этот процесс шел крайне медленно. В школах, конторах, управлениях следили за тем, чтобы учащиеся, рабочие и служащие посещали церковь и «говели» (признавались в своих грехах на исповеди священнику, что давало право на «причастие»: с кусочком просвирки и глотком подогретого красного вина верующий «приобщался» - так это и называлось - к православной церкви, обещающей ему вечную жизнь).

Силу старых убеждений и привычек можно было наблюдать во время «крестных ходов», когда из церквей выносили иконы и хоругви (знамена с золотой вышивкой и кистями) и многочисленные ряды участников шли с пением за священниками и церковным хором. Так обходили обычно территорию прихода - прилегающий район города.

Самыми многолюдными бывали крестные ходы, когда встречали и провожали знаменитые иконы из Никандровой пустыни, монастыря, основанного в XVI в. в лесах на реке

Демянке, и из Пскова-Печерского монастыря. С иконой приходили несколько монахов, они участвовали в церковных службах, а потом носили икону по домам жителей. Большие деньги собирались в кружках для пожертвований, церкви не могли вместить всех, собравшихся на необычное зрелище; привозили больных и калек - веря, что, если пронести над каждым икону, произойдет чудо исцеления.

До каждой деревни эти процессии, конечно, не доходили; в Вольшове и в других имениях они проходили потише из-за того, что среди владельцев было порядочно иностранцев, представителей разных вероисповеданий. И самый горячий отклик, самых щедрых участников массовые церковные торжества находили именно в маленьких городах вроде Порхова; они были развлечением, зрелищем, взрывали скуку повседневности.

В городе постоянно «ходило» по дворам много нищих, среди них были юродивые, калеки, люди, разоренные пожаром или болезнью. В дни церковных праздников их собиралось великое множество; состязаясь друг с другом, некоторые пускались рассказывать небывицы, шли на шутовские ухищрения. Это было тягостной чертой провинциального быта, как и повальное праздничное пьянство. Почти сплошная неграмотность женщин, небольшое число грамотных мужчин, скудость жизни и впечатлений были причинами низкого уровня культурных потребностей. Церковь - высший идеологический авторитет - учила, самое большее, помогать ближним, терпеть, не осуждать, ждать награды за страдания за гробом.

В годы первой мировой войны сложившийся веками уклад жизни в Порхове, как и повсюду, начал резко меняться: шли все более тяжелые вести с фронтов, все более частые мобилизации - вплоть до ратников пожилого возраста, появились в городе раненые и беженцы из западных областей. Все росли продовольственные затруднения и дороговизна. В газетах и журналах печатались списки и фотографии убитых - целыми страницами. В уезд и

город приходили траурные извещения.

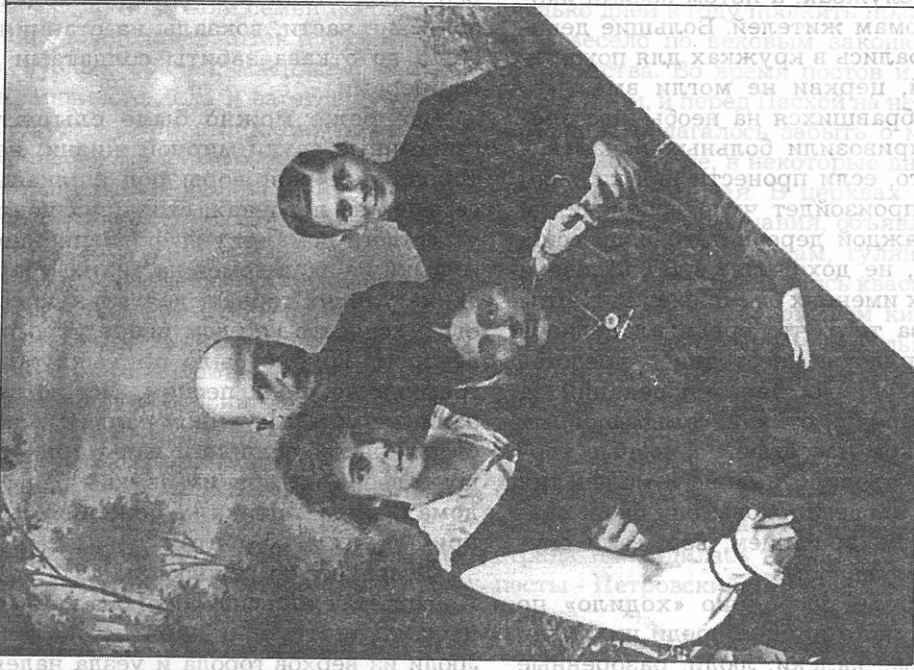
И наконец, почувствовалась близость фронта: кроме госпиталей, через город стали все чаще проходить воинские части, вокзалы на станциях были до отказа забиты солдатами и офицерами.

Все реже можно было слышать привычные звуки мирной жизни: неторопливые разговоры под щелканье семечек на лавочках, стоявших почти у каждого дома; звуки фортепианной музыки из окон домов на тихих, «барских» улицах города; деятельную суетню хозяек в каждом дворе утром и вечером. Трудно было привыкнуть к громким военным песням, они не вязались с усталым видом солдат; к настороженной тишине в часы прихода почтальона, к горьким звукам беды в домах, куда приехали беженцы или пришла весть об убитом.

Февральскую революцию 1917 года Порхов пережил спокойно: она не была неожиданностью, и царя не жалели. Люди из верхов города и уезда надеялись, что в России при новом царе произойдут небольшие перемены, желательные им, как и союзникам; солдаты и беднота в городе и деревне, наоборот, ждали, что свержением царя все не может кончиться, очередь должна дойти до заключения мира, до перехода земли от помещиков и кулаков крестьянам, до настоящей свободы для всех, кто был ее лишен.

Переход власти к советам, дружно начавшись в 1917 г., впоследствии замедлился из-за нескольких наступлений белогвардейских войск и банд, но национализация земли, банков и промышленных предприятий прошла в те сроки, как и в соседних Петроградской и Новгородской губерниях.

Весной 1920 г. от Нади Рамша-Корвецкой пришло мне письмо, в нем сообщалось, что в Порхове при гимназии открыты педагогические курсы и к осени они выпустят новых учителей для начальной школы. Эта весть облегчила для меня расставание с Петроградом и Герценовским институтом.

Семья В.Г. и Л.А. Проскуряковых перед отъездом в Порхов в 1920 г.

Г.В. Проскурякова в выпускном платье с шифром павловского института (1920 г.)